

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ПОДАРОК РАСПУТИНА

ГАСТРОЛЕРЫ И ФАБРИКАНТ

ЭКСМО

Червонные валеты

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Гастролеры и фабрикант

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Гастролеры и фабрикант / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2012 — (Червонные валеты)

На этот раз у шайки мошенников «Червонные валеты» новое дело. Они задумали отобрать у знаменитого казанского миллионщика Ильи Феоктистова солидную сумму, причем так, чтобы он сам добровольно отдал мошенникам деньги. Предводитель шайки Сева Долгоруков придумал изящную и хитроумную комбинацию отъема денег. Да вот незадача: шайка находится под колпаком у казанской полиции, которая денно и ночью ведет наблюдение за жуликами. Но тем желаннее добыча, если афера совершается прямо под носом у полиции...

© Сухов Е. Е., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Сухов

Гастролеры и фабрикант

Глава 1

Некоторые люди воют от скуки и тоски, или Будем брать

Октябрь 1888 года

Знаете, почему богатые люди умеют сохранять состояние? А секрет в том, что они очень бережливы. И очень ревностно стерегут нажитое добро. Иными словами, богаты потому, поскольку прижимисты. Относится это, конечно, не ко всем людям со средствами, но к определенной их части, про которых говорят «удавится за копейку» или «за рубль родную мать продаст».

Илья Никифорович Феоктистов принадлежал именно к этой части состоятельных людей. Он, несомненно, входил в первую пятерку самых богатых людей города, да чего там города – всей Казанской губернии и даже всего Среднего Поволжья! Может быть, и Нижнего тоже. После купцов Юнусовых, Александровых, Чернояровых и дворянина-промышленника Григория Юшкова он шел следом. А возможно, это за ним следом шли Юшков, Чернояров, Александров и Юнусов, поскольку действительной суммы, определяющей состояние его капиталов, достоверно не знал никто. Разумеется, кроме него самого. Илья Никифорович не любил, чтобы кто-то копался в его финансовых делах и собирал о нем всякие сведения, а потому старался держаться в тени и не афишировать своих доходов, которые по привычке, приобретенной еще в молодости, всегда малость занижал. Ну, сами подумайте, какой резон «звонить» всем и каждому о своем богатстве? Чтобы вызывать зависть и тем самым плодить толпу недоброжелателей? Глуповато получается. Да и ни к чему это...

Илья Никифорович Феоктистов обладал большими связями. Весом, как говаривали о нем в «обществе».

Его младший брат, Семен Никифорович, служил обер-секретарем при генерал-прокуроре Правительствующего Сената и вот-вот должен был занять место обер-прокурора. Что само по себе было весьма значительно. Племянник же покойного старшего брата, Валериана Никифоровича, – Василий Валерианович являлся товарищем Государственного секретаря Государства Российской империи, то есть вторым лицом в Государственной канцелярии, через которую в Государственный Совет шли все дела империи. Самые, следует заметить, важные государственные дела...

На Илью Никифоровича Феоктистова было собрано первоначальное досье, вполне достаточное, чтобы начать «дело», и помещалось оно в большой синей папке с зелеными завязками. Кроме состояния его счета и обширных родственных связей имелось еще несколько фотографий, где он с видом вальяжного человека восседал в кругу своих приятелей.

– А мы не очень рискуем, связываясь с *таким* типом? – спросил Огонь-Догановский, когда Долгоруков выбрал Феоктистова в качестве очередного объекта аферы.

– Мы всегда рискуем, старик, когда беремся за новое дело, – задорно посмотрел на Алексея Васильевича Сева. – Нет, мы, конечно, можем почивать на лаврах и жить в свое удовольствие, поскольку последнее наше дело принесло нам два миллиона рублей без сорока с чем-то тысяч. Мы можем отдыхать в Ницце, принимать грязевые ванны в Баден-Бадене или купить виллы в Италии и обосноваться там до скончания века, наслаждаясь бездельем и сибаритством. Мы можем даже ежедневно принимать ванны с шампанским «Вдова Клико» и завтракать в

«Славянском базаре» в отдельных кабинетах, пожизненно нами арендуемых. Но ведь ты первым взвоешь от скуки и тоски. Разве не так, а, старик?

– Взвою, – неохотно согласился Огонь-Догановский и немного виновато посмотрел на Всеволода: – Это я так спросил, для проформы. Не по мне это – сибаритствовать и баклуши бить.

– Знаю, – усмехнулся Всеволод Аркадьевич. – Тебе по должности положено нас время от времени осаживать. Поэтому-то ты и задал такой некорректный вопрос.

Алексей Васильевич кивнул. Так уж случилось, что он был самым старшим в команде Сева Долгорукова и самым старым членом гремевшего некогда на всю Россию-матушку московского клуба «Червонные валеты», которые решением Московского окружного суда от февраля 1877 года были осуждены на различные сроки и отправлены, кто куда, отбывать ссылку или заключение в тюремном остроге. Помимо обязанностей коррективщика, направлявшего действия группы согласно установленному плану в очередной афере, Огонь-Догановский выполнял еще функции старшины, последнее слово которого могло стать решающим и не однажды таковым бывало.

– Сева, ты не прав, – твердо посмотрел Долгорукову в глаза Африканыч. – Решительно не прав.

– Вот как... В чем именно? – с некоторым недоумением взглянул на Самсона Неофитова Долгоруков.

Африканыч являлся его «правой рукой» и близким другом, и Сева был слегка удивлен возникшим разногласием. Хотя в словах «правой руки» был возможен и подвох, чем Африканыч был знаменит, будучи еще «червонным валетом». Шуткарь он был еще тот! Что, впрочем, не лишне при их нервической «работе».

Так оно и оказалось...

– Не прав в том, что от скуки и тоски первым взвоят старик, – усмехнулся Африканыч и добавил: – Первым взвою я. Потому как именно я, и никто более, в процессе прожитых годов, по натуре своей...

– Первым взвою я, – перебил многословную тираду Неофитова Давыдовский.

Павел Иванович в «команде» играл роли знатных особ или должностных лиц в весьма приличных чинах. Тому способствовали внушительная позитурка Давыдовского и его горделивая осанка. А лицо Павла Ивановича, словно высеченное из камня без каких-либо смягчающих черт, было внушительно-начальническим. Сомнений, что сей господин с такой осанкой и физией, и верно, обладает чинами и относится к категории людей сильных мира сего, ни у кого и не вызывало. В команде его единодушно звали «граф», поскольку, еще будучи «червонным валетом», он самовольно присвоил себе этот титул и весьма продуктивно и безапелляционно им пользовался. Этот титул «шел» Давыдовскому, как костюм или шляпа, если, конечно, можно так выразиться относительно титулов Российской империи. Впрочем, кому бы не пошел графский или княжеский титул? Разве только крестьянину? Да и то, ежели его приодеть должным образом да отскоблить от чернозема, так иной мужик от косы и сермяги запросто сойдет за какого-нибудь барона...

– А я уже вою, – добродушно улыбнувшись, произнес Ленчик, самый молодой в «команде» Всеволода Аркадьевича Долгорукова.

Семь лет назад Ленчик прибил к Долгорукову и стал полноправным членом команды, хотя в клубе «Червонные валеты» не состоял по малолетству, а также по безвыездному проживанию в губернском городе Казани. Ленчик, в отличие от остальных членов «команды» Долгорукова и бывших «валетов», был аборигеном. Иначе – местным жителем. И это обстоятельство было весьма полезно для дела, поскольку, даже обосновавшись в городе весьма давно, ни Сева, ни остальные члены его команды из бывших «валетов», все равно не знали его настолько, насколько ведал его Ленчик.

Сказав это, абориген запрокинул голову и протяжно завыл. Получилось у него столь натуралистически и громко, что вой тотчас подхватила собака из соседнего особняка, а следом за ней откликнулись все уличные псы. Невообразимый гвалт стоял не менее четверти часа, в продолжение которого все присутствующие в особняке Севы хохотали, в том числе и сам «начальник команды» Всеволод Аркадьевич Долгоруков.

Отсмеявшись и вытерев выступившие слезы, Сева уже на полном серьезе произнес:

– Итак, наш новый объект Илья Никифорович Феоктистов, шестьдесят восемь лет, вдовец, дворянин, уроженец Свияжского уезда, скотопромышленник, фабрикант и домовладелец. Что мы еще знаем о нем?

– Весь город знает, что он – жила, – подал голос Ленка. – Жмот невероятный, каких еще свет не видывал.

– Свет видывал всяких, – заметил ему на это Всеволод Аркадьевич. – Ты, братец, приведи хотя бы один пример его несусветной скарედности. Тогда будешь более убедителен, а мы – более к тебе внимательны.

– Запросто, – так среагировал на реплику шефа Ленчик. – Когда в семьдесят девятом году преставился его отец, бывший свияжский городничий, наш фигурант потратил на похороны в общей сложности всего-то семнадцать рублей. Остальные средства, чтобы достойно похоронить главного городского администратора, были выделены из городской казны. Об этом тогда судачила вся Казань, даже я помню.

– Хорошо, принято, – едва кивнув, констатировал Всеволод Аркадьевич. – Что еще «интересного» удалось выяснить по фигуранту?

– Миллионщик он, – сказал Африканыч. – Состояние его, по разным оценкам, исчисляется от сорока пяти до шестидесяти миллионов рублей. Судя по его закрытости характера и жадности, шестьдесят миллионов – это минимум, чем он владеет. Верно говорю.

– Меня интересует его реальная наличность, так сказать, в «живых» деньгах, – сказал Сева. – А не стоимость его фабрик со станками, амбарами с зерном, конюшен с лошадьми.

– Это никому не известно, – произнес покудова не вступавший в разговор Огонь-Догановский.

– Надо выяснить, – посмотрел на самого старшего из бывших «червонных валетов» Долгоруков. – Где он хранит свои деньги?

– В Волжско-Камском коммерческом банке, – ответил Давыдовский. – Каковую сумму он там держит – неизвестно. Но судя по всему – весьма и весьма внушительную. Так что у него имеется чем поделиться с нами, – Павел Иванович жестко усмехнулся. – Жду вот, когда вернется из Москвы *наш друг*, первый помощник управляющего банком господин Бурундуков. Тогда мы проясним, смею надеяться, каковая наличность сохраняется у господина Феоктистова в банке.

– Так он тебе и скажет, – усмехнулся Африканыч. – Эта банковская тайна будет построже государственной. А сам он ни за какие коврижки не поделится своими секретами.

– Со мною непременно поделится, – перебив товарища, заверил Давыдовский.

И все почему-то сразу поверили Павлу Ивановичу на слово. Впрочем, не «почему-то», а за имеющиеся определенные качества. Спросите, какие? Ну, во-первых, Давыдовский никогда не бросал слов на ветер, и не было еще ни одного случая, чтобы он не сдержал данное обещание или нарушил уговор. И не потому, что потом ему было бы неловко; и не потому, что дела, которые они вели в команде Севы, требовали следовать словам и обещаниям. Просто он был так устроен. А во-вторых, Павел Иванович был весьма сильным волевым человеком. Согнуть его было нельзя. Сломать – тем более. Зато он мог сломать и согнуть в дугу любого...

– Лады, – посмотрел на «графа» Всеволод Аркадьевич. И уже обращаясь ко всем, спросил: – Что еще нам известно о фигуранте? Привычки, слабости, наклонности, прихоти?

– Да скряга он, говорю же, – первым ответил Ленчик. – Вот его наипервейшая склонность и слабость.

– Этого мало, – немного поразмышляв, произнес Сева. – Весьма немаловажно еще будет знать о его взаимоотношениях с совестью и, главное, с законом. Это я поручаю тебе, Самсон Африканыч, – Долгоруков глянул на Неофитова, и тот коротко кивнул. – Проясни все по нашему фигуранту. Конечно, большие деньги можно иногда нажить и честным путем. Но очень большие капиталы, – Сева непроизвольно хмыкнул, – в этом я что-то сомневаюсь. Наверняка у этого Феоктистова есть какой-нибудь скрываемый от посторонних глаз грешок. По части взаимоотношений с законом. Проясни, Самсон, и как можно скорее.

Африканыч снова кивнул и задумался. Задание было не из легких, возможно, с выездом в Свяжск, откуда родом был нынешний мильонщик Феоктистов. А может, и в другие города и веси Российской империи.

– Как насчет женщин, карт и вина? – спросил, снова обращаясь ко всем, Всеволод Аркадьевич. На Ленчике, самом молодом из команды, Сева задержал взгляд, потому как именно ему, уроженцу Казани, он поручал разузнать о Феоктистове как можно больше, включая его слабости, прихоти, привычки и склонности. – Ты все сделал, о чем я тебя просил?

– Конечно. Разузнал, что почем.

– И что там?

– Феоктистов в карты не играет, – уверенно сказал Ленчик, будто бы отрезал. – Но толк в них знает. Как пить дать! Раньше он в картишки всерьез поигрывал, нутром чую... Глаз уж больно дурной.

– Дельный штришок, – заметил Сева и обернулся к Неофитову: – Возьми это на заметку, когда будешь интересоваться его грешками.

– Всенепременно, – ответил Африканыч.

– Еще что там есть на него? – по-деловому спросил Сева.

– Вина не пьет, – продолжил блистать своими знаниями о фигуранте Ленчик. – Абсолютно! Как он сам говорит: «Голова всегда должна быть ясной».

– Понятно, – безрадостно резюмировал Долгоруков. – Здесь нам ничего не обломится... Дальше?

– Касательно женщин... – Ленчик замялся. – Есть одна такая краля, в Собачьем переулке живет, но я не уверен точно. Может, это так... На раз! Мало было времени, чтобы выяснить более подробно.

– Все равно ты хорошо поработал, – одобрительно посмотрел на Леонида Всеволод.

– Благодарствую.

Самый молодой «валет» зарделся ушами и запыльхал по-юношески пухлыми щечками (вот уж чего никак нельзя было ожидать от опытного афериста и мошенника, каковым Ленчик сделался за семь с лишком лет пребывания в «команде» Севы Долгорукова!). Оно и понятно: Долгоруков хвалил мало, а больше требовал, и одобрение шефа значило много...

– Что же касается дамы сердца господина Феоктистова, – обратился Всеволод Аркадьевич к остальным, – то у нас есть кому поручить выяснить этот вопрос более обстоятельно.

Взоры всех присутствующих обратились к Неофитову. Самсон Африканыч в бытность «червоным валетом» заслуженно считался первым ловеласом Москвы и знал толк в женщинах. И они, надо полагать, знали толк в Африканыче, потому как липли к нему во множестве и безо всяких особых усилий с его стороны. И он, подобно трудолюбивой пчелке, без усталости собирающей нектар с цветов, обихаживал всех понравившихся ему дамочек. Бывало, что, совершив интимное соитие с одной, он, едва ее выпроводив, тратил четвертной на лихача-извозчика, чтобы поспеть к означенному сроку к другой.

К настоящему времени, достигнув средних лет, Африканыч ничуть не потерял лоска. Более того, стал еще более желанным для дам, прибавив к красоте юности степенную привле-

кательность знающего себе цену мужчины. А достаток, что буквально излучала его фигура, был дополнительным шармом. Таким уж народился на белый свет Самсон Африканович Неофитов. Как говорится, что было посеяно, то и проросло!

– А чего это вы на меня все уставились? – едва не задохнулся от показного негодования Африканыч. – У меня уже есть одно задание – узнать грешки Феоктистова. К исполнению самое трудное, кстати. Потому как грешки эти всегда самым тщательнейшим образом скрывают. А мне их надо найти. И тут вы мне вешаете еще одно задание! Не много ли забот на одну бедную голову? Я не лошадь, чтобы все везти на своем горбу...

– Это скорее не задание, а некое... поощрение, – резонно заметил Огонь-Догановский, пряча усмешку. – Забота – это да, определленно! Но из приятных. Ведь из приятственных же, а, Самсон?

– Совершенно верно, – Всеволод выглядел серьезным. – Займись этой дамочкой, Самсон Африканыч. Она может нам пригодиться. В смысле возможного свершения с ней каких-либо противозаконных деяний со стороны господина Феоктистова. Мало ли какие у него имеются склонности. Чужая душа, сам понимаешь, сплошные потемки!

– Это точно, – кивнул Огонь-Догановский, жизненный багаж которого был вместительнее и тяжелее, нежели чем у всех остальных. – Чужая душа – лес темный...

– Прямо сей же час заняться или можно немного погодить? – не без иронии поинтересовался Неофитов, посмотрев сначала на Долгорукова, а потом на старика. – Чайку-то хоть позвольте хлебнуть перед дорожкой?

– Это как ты сам считаешь нужным, дружище. На все про все тебе – две недели. Через две недели мы начинаем уже плотно обхаживать господина Феоктистова, – ответил Всеволод Аркадьевич.

– Мне чем заниматься, Сева? – спросил Огонь-Догановский.

– Свести знакомство с нашим богатым фигурантом, – быстро ответил Долгоруков, показывая тем самым, что он все загодя продумал перед началом этого разговора. – Познакомиться мягко, ненавязчиво, чтобы фигурант наш, не дай бог, не почувствовал, что на него накидываются силки... Может, ты увидишь-разглядишь в нем то, что мы не заметили. В нашем деле каждая мелочь может стать решающей, ты же знаешь... Помимо этого, – Всеволод Аркадьевич посмотрел старику в глаза, – ты, как всегда, следишь за осуществлением принятого плана, координируешь наши действия и осаживаешь, если кто-то начнет брать на себя лишнего.

– Я-асно, – протянул Алексей Васильевич.

– А я? – спросил Леонид.

– Что, беспокоишься, что останешься не у дел? – поинтересовался Долгоруков.

– Ну-у, не то чтобы беспокоюсь...

– Не волнуйся, дойдет и до тебя очередь, – серьезно заверил Ленчика Всеволод Аркадьевич.

Какое-то время Сева молчал. Потом произнес, как бы подводя черту разговору-совещанию:

– Что ж, фигуранта мы, конечно, выбрали не из лучших. Но мы ведь не очень и привередливы. А, господа?

«Господа» заулыбались:

– Не очень...

– Это точно, на приверед мы не похожи...

– Ничуть не похожи...

– Вот и славно, – заключил Долгоруков. – Значит, будем брать, что дают. За дело, господа! – Встряхнув синей папкой с завязками, добавил: – А сюда мы заносим на нашего фигуранта все по листочку. Надеюсь, что через пару недель эта папка будет заполнена.

Глава 2

«Черные вороны», или Папка с красными тесемками

16 октября 1888 года

Утреннее совещание у исполняющего обязанности полицеймейстера Якова Викентьевича Острожского происходило, как обычно, в девять часов утра. Были все приставы шести казанских частей – полицейских участков, на которые делился город, помощник полицеймейстера Николай Людвигович Розенштейн и, конечно же, секретарь городского полицейского управления Александр Алексеевич Поспелов. Обычно совещания не затягивались: приставы кратко сообщали о текущих делах на своих участках и новых происшествиях, случившихся за истекшие сутки. Яков Викентьевич всех внимательно выслушивал и затем вместе со своим помощником намечал план действий по тому или иному делу и отдавал соответствующие распоряжения. На сей раз совещание длилось уже целый час, а ему еще не видно было конца. Никто не знал, в чем тут заковырка, и только Александр Алексеевич Поспелов догадывался, а вернее, ведал по своим секретарским обязанностям, что дело в очередной депеше: Острожский получил из Департамента полиции еще одно предписание, в котором начальство требовало ускорить производство по деянию «Черных воронов». Это была третья по счету депеша, и в ней уже вполне прозрачно намекалось, что ежели дело «Черных воронов» не будет в скорейшем времени раскрыто, а участники банды арестованы, то никакой очередной «распеканции» от начальства ждать не следует. А что будет? Или, вернее, чего не будет? А не будет того, что не видать Якову Викентьевичу должности полицеймейстера и чина статского советника как своих ушей.

Два года! Вот так-с... Полных два года Яков Острожский исполнял обязанности казанского полицеймейстера и все никак не утверждался в должности. По всему видно, имелся у него некий недоброжелатель в Департаменте полиции или Министерстве внутренних дел. Или это были (что вполне вероятно!) козни Розенштейна – помощника Острожского по должности, тайно желающего, очевидно, самому занять место полицеймейстера. Николай Людвигович пришел в полицию из армии с понижением в чине, потому как надавал по мордасам своему полковому командиру, будучи штаб-ротмистром. Это же надо – полковнику по мордасам! От такого можно было ожидать всякого...

Острожский покосился на своего помощника, внимательно выслушивающего доклад одного из приставов о происшествиях за сутки. Потом перевел взгляд на пристава: ограбление хозяйки квартиры ее постояльцем – опять не то... Мелочовка! Вот же, прости господи, напасть какая – мелочовка на мелочовке. А вот дело большого масштаба и громкого звучания, которое шумно аукнулось бы в обеих столицах и принесло бы ему наконец чин статского советника и утверждение в должности полицеймейстера – не просматривалось. Буксовало и следствие по делу пресловутых «Черных воронов»...

Зараза эта пришла с юга. Вообще-то, Казань была довольно тихим провинциальным губернским городом, в котором, конечно, водились громилы и мошенники, но до вооруженных ограблений дело еще не доходило. Причем до «удачных» вооруженных ограблений, которые покуда оставались нераскрытыми. Более того, не было даже никакой зацепки: настолько казанские «Черные вороны» действовали нагло, слаженно и аккуратно.

Первый звоночек прозвенел в городе Николаеве в конце мая сего года. Именно там впервые появились громилы, рядившиеся в черные маски и вооруженные револьверами и «бомбами». Шайку эту прозвали «Черными воронами». Глядя на Николаев, свои «Черные вороны» завелись в Ростове-папе и Одессе-маме. И пошло-покатилось по всей России: Харьков, Хер-

сон, Керчь, Киев, Смоленск, Рязань, Нижний Новгород и... на очереди Казань. В Казани они появились с началом осени.

Второго сентября средь бела дня был ограблен галантерейный магазин Иосифа Швейцера на Большой Проломной. Трое грабителей в масках ворвались в магазин, закрыли входные двери, вынули револьверы и заставили всю публику и приказчиков поднять руки вверх. Затем, изъяв всю наличность, что имелась в магазине, они велели публике не двигаться, не заявлять в полицию, чтобы не повредить своему здоровью, оставили у выхода бомбу и благополучно скрылись, укатив на пролетке в неизвестном направлении. До окончания недели все было спокойно: громилы, скорее всего, весело прожигали награбленное, пили и ели в свое удовольствие и вообще отлично проводили время, благо, было на что его проводить.

В воскресенье подобный случай повторился: на Вознесенской улице ограблению подвергся магазин готового платья, который держал потомственный почетный гражданин Нур-Галей Салтанбеков. Сценарий был аналогичным: трое в черных масках проникли в магазин, достали из-за пазух револьверы, приказали всем, находившимся в помещении, поднять руки вверх, после чего немедленно обчистили кассу, предупредили «не рыпаться» (то есть не двигаться и не заявлять в полицию) и после свершения «дела» ретировались на пролетке, поджидавшей их у входа.

Когда через четверть часа все же прибыла полиция, вся публика, которую грабители застали в магазине, по-прежнему оставалась в нем с поднятыми руками, поскольку у входа лежал оставленный громилами разрывной снаряд, который на поверку оказался обыкновенной жестяной коробкой, наполненной грязными портами. По Казани пополз слух, что в городе появилась залетная гастролерующая банда отъявленных головорезов, которые средь бела дня, ничуть не опасаясь полиции, грабят известные торговые заведения и, угрожая револьверами и бомбой, преспокойненько вслед за тем удаляются, совершенно не преследуемые полицией. Последнее обстоятельство особенно расстраивало полицейские чины города, да и вообще, вся ситуация выглядела крайне неприятно.

После двух-трех ограблений слух о неуловимой банде «Черных воронов», как их стали называть казанские обыватели, а вслед за ними газетчики и все прочие, достиг все-таки обеих столиц. Исполняющему должность полицеймейстера коллежскому советнику Острожскому от Департамента полиции пришлось первое предписание усилить свои действия в направлении поимки и ликвидации банды. Яков Викентьевич бросил все свои текущие дела и вплотную занялся «Черными воронами». Но они и впрямь казались неуловимыми и всегда успевали скрыться еще до появления полиции.

После очередного ограбления ювелирной лавки на Университетской улице Яков Викентьевич Острожский провел расширенное оперативное совещание, на котором приказал приставам всех полицейских частей сосредоточиться на поимке «Черных воронов», а дела, находящиеся у них в производстве, передать своим помощникам и квартальным надзирателям. Руководство и корректировку всех действий против банды, посеявшей в городе настоящий ужас, Яков Викентьевич возложил на Николая Людвиговича Розенштейна. Помощник полицеймейстера с энтузиазмом принял новое назначение, но на обстоятельства дела имел собственный взгляд, заявив, что версия о гастролерующей банде, принятая за основную, возможно, является ложной, по крайней мере, не должна быть единственной.

– Может, есть резон принять к рассмотрению и иные версии касательно банды? – острожно спросил он Острожского.

– Это какие же? – насмешливо поинтересовался Яков Викентьевич.

– К примеру, что «Черные вороны» – это банда из обнаглевших местных громил...

– Так-так, продолжайте...

– Либо из мест не столь отдаленных вернулся авторитетный громила, ставший мазом у казанских уркаганов. Он-то все и организовал...

– Вздор, – отмел предположения своего помощника Острожский. – У наших громил совсем иной почерк. Попроще. Еще никогда они не были столь дерзки и наглы. Кишка у них на это тонка. Несомненно, действуют гастролеры...

Паршиво, когда начальник и его помощник не находят взаимопонимания и не питают друг к другу симпатии. Наплевать, конечно, на их личные взаимоотношения. Они могут не любить друг дружку, презирать, даже находиться в конфронтации. Важно, чтобы все это не сказывалось на результатах порученных им обязанностей и качестве выполнения их общего дела. А вот когда это выходит за рамки личностных отношений и сказывается на службе – это из рук вон плохо...

Розенштейн, конечно, принял к исполнению приказ своего начальника и начал проверять на предмет уголовного прошлого всех приезжих в Казань начиная с августа месяца. По полученным результатам проверки было выявлено семь человек, могущих иметь причастность к гастролерующей в городе банде. Все семеро были задержаны для выяснения личности. И в то самое время, когда Острожский и Розенштейн лично вели дознание по этим семерым, проясняя их личности и всю подноготную, вплоть до малолетства, в городе случилось еще одно дерзкое ограбление. На сей раз нападению банды «Черных воронов» подвергся дорогой и популярный среди казанских модниц магазин «Французская мода», что находился при Гостином дворе. Все было как всегда: «руки вверх», «не смей сообщать в полицию», «бомба» на выходе возле дверей. Кассу обчистили всю, так сказать, до последнего рублика. Взяли что-то около семи тысяч выручки – деньги весьма большие, на которые можно было бы прожить безбедно семье из пяти-семи человек как минимум лет семь-восемь.

Бомба и на этот раз оказалась камуфляжем: простым бураком – круглым коробом из бересты, набитым грязным бельем. А вот выстрел в это ограбление прозвучал. Один из «Черных воронов» заметил, что приказчик магазина юркнул в коридор. «Ворон» бросился за ним и увидел, что приказчик открывает дверь черного хода.

– Стоять! – крикнул грабитель.

– Что? – переспросил приказчик, отомкнув дверь.

– Стоять, я сказал!

Приказчик не послушался. И тогда громила выстрелил. Пуля попала приказчику в плечо. Он со стоном упал, истекая кровью, а «ворон» поспешил в зал, чтобы поскорее убраться из магазина: на этой же Воскресенской, только ближе к зданию Имперского университета, находилось Городское полицейское управление, из которого вот-вот могли повыскакивать по их душу фараоны.

Полиция была возле Гостиного двора уже через две минуты. Однако погоня не задалась и на сей раз: свидетели, видевшие пролетку грабителей, на вопрос, куда они поехали, указывали в разные стороны. Совершеннейшая путаница была и в показаниях. Этот случай с выстрелом и ранением приказчика попал на страницы местных газет, а потом и в колонки «Происшествия» газет столичных. На имя исполняющего обязанности казанского полицеймейстера Острожского пришла из Департамента полиции еще одна депеша, требующая скорейшего форсирования действий касательно уже набившей оскомину банды «Черных воронов». Всех задержанных семерых приезжих пришлось с извинениями отпустить, на что пятеро промолчали, а двое угрюмо заявили, что им на извинения «фараонов стремных» начхать с высокой колокольни, а еще плюнуть да растереть.

Острожский скрежетал зубами, рвал и метал, но «Черные вороны» были неуловимы. Со скрипом Яков Викентьевич согласился на разработку версии Розенштейна, что это действуют обнаглевшие местные воры. С бандой и правда надо было что-то делать. Но вот вопрос, как?!

Помощник полицеймейстера за дело принялся со свойственной ему обстоятельностью и педантизмом (немец, он и есть немец!). Розенштейн начал с того, что стал опрашивать всех секретных агентов и осведомителей, работающих на полицию явно и тайно. Кто-то что-то слу-

чайно прознал, кто-то чего-то слышал краешком уха, однако достоверной информации, кто именно из местных уркаганов входит в банду и грабит в черных масках и с револьверами магазина, покуда не заимелось.

Тем временем Острожский получил третью по счету депешу, в которой ему предписывалось скорейшим образом разобраться с «Черными воронами». Четвертой, похоже, могло уже не быть...

* * *

Итак, совещание у исполняющего обязанности полицеймейстера Якова Викентьевича Острожского продолжалось уже более часа, а конца-края ему видно не было.

А что, если они не поймают «Черных воронов»? Тем более что за последние две недели в городе не случилось ни одного громкого ограбления с участием этой банды? Такое может случиться? Вполне. Ведь не удалось же полицейантам взять «Гробовщика», хотя этот человек был явно больной на голову? Согласитесь: вскрывать на Арском кладбище свежие могилы с умершими женщинами и производить над ними глумление вряд ли является прерогативой нормального и здорового человека. И вот этот умалишенный целых два месяца промышлял своими занятиями и отличался от прославившегося на всю Европу французского сержанта Франсуа Бертрана, некрофила и некросадиста, лишь тем, что не расчленял труп, а лишь срывал с него одежды.

Несколько раз у могил умерших дам устраивались секреты. Но «Гробовщик» в эти засады не попадал, словно чуя опасность. Зверь, милостивые государи, он и есть зверь. А как секреты снимались и наблюдение прекращалось, злоумышленник вновь разрывал могилы... Ужас, да и только!

Через два месяца осквернения могил прекратились. Но не потому, что «Гробовщик» перевоспитался или был арестован полицией. Его нашли возле одной из оскверненных могил с раскroенным черепом. Рядом с трупом некрофила валялась окровавленная лопата. Следствие по делу убийства «Гробовщика» шло крайне вяло, и хотя подозреваемые по нему были, до суда дело доведено не было «за недостаточностью улик». Дознаватели и прокурорские чиновники попросту не желали докапываться до истины, в глубине души, а иногда и явно показательно, сочувствуя человеку, прикончившему лопатой гада-осквернителя. Даже если бы этот человек и был найден, все равно улик оказалось бы против него «недостаточно». Засадить его за убийство «Гробовщика» в тюрьму было бы неслыханной несправедливостью, и вряд ли в полицейском управлении нашелся бы такой законник. А если бы и нашелся, то потом ему никто не подал бы руки. Включая самого что ни на есть захудалого городского.

Незаконченным было сдано в архив и «Дело о мохнатке». Год назад на Суконной слободе, где проживали в основном фабричные рабочие, объявилась группа молодых людей: два парня и одна девица. Обычно они «работали» вечерами, в дни получения цеховыми жалованья. Ошивались подле кабаков и пивных, каковых в кварталах, населенных фабричными, было десятка полтора. Выходит, к примеру, из пивной подвыпивший цеховой, а тут ему навстречу парень:

– Хошь на мохнатку посмотреть?

– Че? – не понимает тот.

Но спросившему про мохнатку совершенно неважно, понимает или не понимает цеховой, о чем идет речь. Парень разрешающе кивает девице, что топчется рядом с ним, и та распахивает накинутый на плечи плащ (пальто, шубку). Оказывается, под ним ничего нет, лишь голое тело. Глаза цехового округляются от удивления, и он невольно смотрит на сдобную грудь девицы, потом его взор опускается ниже, и он, естественно, взирает на эту самую мохнатку.

– Ну, все, хватит, – говорит парень, и девица запахивается в плащ (пальто, шубку, в зависимости от сезона). – Хорошего помаленьку. Видел мохнатку? Получил удовольствие? Теперь плати!

– Но я не просил...

– Это не важно, – перебивает парень цехового. – Плати гривенник и ступай себе дальше.

Ежели цеховой начинал артачиться, то из темноты на подмогу появлялся второй парень, и «получившему удовольствие» приходилось расставаться с гривенником. Ежели цеховой продолжал препираться, то получал в лоб и у него отбирался не гривенник, а уже вся имеющаяся в карманах наличность. Так что выгоднее все же было расстаться с гривенником. Ведь как ни крути, а мохнатка все же лицезрелась, факт неоспоримый!

Полиция узнала об этом оригинальном способе вымогательства денег не сразу. Ведь те, кто *получил удовольствие* за лицезрение мохнатки и расплатился за это гривенником, в участок не обращались, на что, в общем, и делался хитроумный расчет этой шайки. А избитые цеховые возвращались в кабаки заливать обиду водкой. После чего уже ничего не помнили, кто им напощал по мордасам и по какой-то причине. Впрочем, все же про мохнатку у них в памяти все же что-то оставалось. И один из таковых, кто получил по лбу, доплелся до участка и рассказал о случившемся. Было заведено «Дело о мохнатке», а в Суконную слободу немедленно отправился наряд из пяти человек, но парни и девица исчезли, словно испарились. И больше уже не появлялись. Очевидно, они-то как раз и были гастролерами...

«Черные вороны» могут вот так же больше не объявиться. А вдруг они легли на дно надолго или даже уехали из города? Что, так и дальше числиться исполняющим должность полицеймейстера и молча дожидаться чина статского советника, который должен был обозначиться в послужном списке еще два года назад? Обидно-с!

Яков Викентьевич с возмущенным видом откинулся на спинку кресла. Пристав, сообщавший об очередном преступлении на его участке, замолчал, думая, что сейчас от начальника последует какой-либо вопрос. Но вместо него он услышал следующее:

– Продолжайте, продолжайте, я вас внимательно слушаю...

«Все-таки необходимо громкое разоблачение. Такое громкое, чтобы заполучило резонанс в Петербурге», – продолжал рассуждать сам с собой Яков Викентьевич. Доклад пристава он слушал вполуха, но все равно до него доносились слова полицейанта:

– ...обратилась жена казанского купца Юлия Иванова. Она заявила о краже пятисот рублей денег и разных ценных вещей на сумму одна тысяча триста рублей. По ее предположениям, кража была совершена третьего дня утром между восемью и девятью часами, когда она с кухаркой ходила на базар и в квартире оставался только ее квартирант, казанский мещанин Александровский. Когда Юлия Иванова вместе с кухаркой вернулась с базара, Александровский еще спал или притворялся спящим. Через некоторое время постоялец ушел, и Иванова его больше не видела. Буквально на следующий день в магазине старинных вещей Юсуфа Абраманова было обнаружено несколько украшений, принадлежащих Ивановой. Принес их некто Леонтий Скворцов, проживающий...

«И ведь есть такое дело, о котором могут заговорить в Петербурге и Москве...»...

– ...на Жуковке, в доме Курочкина. При обыске у него дома была обнаружена нитка поддельного жемчуга и паспорт Ивановой. А еще – квитанции городского ломбарда. При проверке ломбарда были обнаружены еще ценные вещи, похищенные у Ивановой. Крестьянин Леонтий Скворцов во всем сознался и указал на заводилу всего дела, Александровского. Не далее как вчера утром квартирант Ивановой мещанин Александровский был задержан и сознался в краже...

– Хорошо, передавайте дело прокурорским, – произнес Острожский. – Что у нас там на Втором участке?

– Происшествие на Малой Мещанской, ваше высокоблагородие...

– Докладывай!

– Одиннадцатого октября через незапертую форточку в квартиру господина Кульбаши Алтын-бей Мамзелькуллова ибн Нафтази, проживающего в доме Барышева на Малой Мещанской улице, забрались форточники и похитили разных вещей на сумму пятьдесят четыре рубля восемьдесят пять копеек. В результате разыскных мероприятий удалось выяснить, что кража – дело рук крестьян Мамадышского уезда Вахит-Гарей Заббаровича Абдрахманова и Хисамутдина Мутыгулловича Сиразетдинова. Оба вора нами уже задержаны и дают признательные показания.

– Хорошо, – Острожский даже не взглянул на пристава, погруженный в свои мысли, – оформляйте бумаги и передавайте дело прокурорским.

– Слушаюсь.

– Что еще?

– Еще сегодня ночью на Воскресенской улице квартальным надзирателем Сидором Епифанцевым был задержан вор-рецидивист Алексей Петров по прозвищу Гундос. На дознании выяснилось, что на днях он совершил кражу разных вещей в типографии братьев Каримовых на Фуксовской улице. Петров-Гундос препровожден в арестный дом, где будет дожидаться окончания следствия...

«Мелочовка, все мелочовка... – сокрушался про себя исполняющий должность полицеймейстера Острожский. – А ведь громкое разоблачение преступной группы лиц, промышленяющих мошенничествами и аферами, могло бы случиться, если бы можно было схватить за руку этого Долгорукова с его шайкой. Ведь последнее их дело с банкротством «Акционерного общества Казанско-Рязанской железной дороги» явно шито белыми нитками. Это же и дураку понятно. И пропажа-похищение двух миллионов рублей, вполне вероятно, их рук дело. Только вот хитрые они, бестии. Ушлые. И прямых улик, доказывающих участие Долгорукова и его группы в похищении двух миллионов рублей, – никаких...»

– ...агентами Тумановым и Шиловым был задержан на Толчке крестьянин Алимбек Гениталиуллович Сафаргараев, продававший старьевщикам разные медные части машин. При дознании выяснилось, что Сафаргараев совершил кражу этих деталей на Пороховом заводе...

А ведь кое-что на Всеволода Аркадьевича Долгорукова и его шайку у Острожского все же имелось. Правда, на арестование это не тянуло, да и на задержание тоже, но вот на обращение пристального внимания за ним и установление негласного надзора – а вдруг что и откроется – тянуло вполне. У исполняющего должность полицеймейстера Якова Викентьевича Острожского была даже заведена на Долгорукова и его шайку специальная папка с красными тесемками, означающими особую важность помещенного в ней материала. Но вот как раз *особой* важности в ней покамест не содержалось. Та-ак, имелись лишь некоторые сведения о старых делах бывших «червонных валетов». Еще судебные выписки о сроках наказания, вынесенных Московским окружным судом в феврале 1877 года.

Имелись в папке и показания господ Долгорукова, Неофитова, Давыдовского и Конюхова – в общем, всех членов этой шайки – по поводу исчезновения двух миллионов российских рублей. Тех самых, взятых в кредит «Акционерным обществом Казанско-Рязанской железной дороги» в Волжско-Камском коммерческом банке и впоследствии «испарившихся». То бишь снятых в этом банке по аккредитиву неким подставным лицом-бенефициаром, исчезнувшим вместе с деньгами в неизвестном направлении.

Еще в папке, в особом конверте, лежали кое-какие заметки, в которых говорилось о личных подозрениях и Острожского, и его собственноручно записанные мысли. Касались они некоторых дел, имевших место быть в Казани за последние несколько лет, где фигурировали, правда, косвенно, Всеволод Долгоруков и вся его компания. Оставалось надеяться на оплошность, которую может допустить господин Долгоруков, и тогда колесики закрутятся, откроется новое уголовное дело, пойдут разыскные мероприятия, дознания, обыски – словом, вся пра-

воохранительная машина будет со всей своей мощью работать против мошенников и аферистов. И тогда уж им не избежать суда! И это был бы его, Острожского, несомненный триумф, рапорты в Департамент полиции, орден в петличку и долгожданное назначение на должность казанского полицеймейстера. А к этому всему – чин статского советника, «его высокородия». От коего до «его превосходительства» всего-то один шагок...

Глава 3

Вклад в четырнадцать миллионов рублей, или Мать честная!

Октябрь 1888 года

«Волжско-Камский коммерческий банк входит в пятерку самых крупных банков Российской империи!» «Если хотите быть богатым и счастливым – храните деньги в Волжско-Камском коммерческом банке! Полная гарантия тайны вкладов! Лучший годовой процент в городе и его окрестностях!» «Как, вы еще не арендовали сейфовую ячейку в нашем банке, чтобы хранить в ней драгоценности вашей дражайшей супруги или любовницы? Спешите, господа! Количество ячеек строго ограничено».

Рекламная тумба возле арки на Петропавловской улице, куда вошел Павел Иванович, минуя кованые решетки балюстрады здания Купеческого банка, была сплошь оклеена подобными объявлениями. Давыдовский вошел в арку и направился к парадному подъезду высокого трехэтажного здания с колоннами. На нем, подновленная после сентябрьских дождей, красовалась вывеска:

ВОЛЖСКО-КАМСКИЙ

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

КАЗАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Давыдовский вошел в фойе банка. Тотчас к нему подскочил прилизанный клерк:

– Добро пожаловать в наш банк! Очень рады, милостивый сударь, что вы осчастливили нас своим посещением, и надеемся, что вы останетесь довольны нашим обслуживанием и...

– Бурундуков у себя? – прервал пафосную речь клерка Павел Иванович.

– Первый помощник управляющего банком? – переспросил клерк.

– Именно.

– У себя-с, – почтительно ответил клерк. – Как о вас прикажете ему доложить?

– Граф Давыдовский, – напустив на себя чрезвычайную важность, ответил Павел Иванович.

– Сию минуту-с.

Клерк робко постучался в дверь первого помощника управляющего банком. Оттуда тотчас раздался внушительный голос:

– Минуту!

Клерк подождал ровно минуту, следя за стрелкой настенных часов, висевших в холле, затем постучал снова.

– Минуту! – снова послышалось из-за двери.

Клерк кротко посмотрел на Давыдовского и неуверенно пожал плечами. Дескать, прошу прощения, конечно, однако вы сами видите: оне заняты, и наше телячье дело – ждать, покудова, мол, оне не соизволят-соблаговолят обратить на нас внимание...

– Ладно, не утруждайте себя, – миролюбиво сказал ему Павел Иванович и прошел к двери кабинета Бурундукова. Стучать он не стал, просто открыл ее и вошел без промедления и малейшей заминки:

– Добрый день, господин Бурундуков!

Первый помощник недовольно вскинул глаза на посетителя, и тотчас его взгляд потеплел:

– Господин Давыдовский! Ваше сиятельство! Как славно, что вы не преминули, нашли время и, так сказать... зашли.

Кажется, Бурундуков был несколько растерян.

– Правда? – недоверчиво спросил «граф».

– Разуме-ется, – протянул Бурундуков и вопросительно посмотрел на Павла Ивановича: – Вы по делу?

– По делу, – утвердительно ответил Давыдовский.

– Я весь внимание.

Павел Иванович не любил тянуть резину. И уж тем более кота за хвост. Поэтому он просто и без обиняков объявил:

– Мне нужно знать сумму вклада господина Ильи Никифоровича Феоктистова в вашем банке.

Бурундуков вскинул голову и удивленно уставился на посетителя: сумму вклада клиента банка? Да еще такого уважаемого клиента! самого господина Феоктистова! Но банк гарантирует своим клиентам тайну вклада. Об этом – вкладе гражданина – не сможет узнать даже сам губернатор! Естественно, без специального постановления прокурора Судебной палаты Игнатия Платоновича Закревского. Это... это...

– Это невозможно!

– Мне это крайне необходимо...

– Н-нет, это... никак невозможно, – уже не столь уверенно ответил Бурундуков.

– Почему? – спокойно спросил Давыдовский.

– Ну, вы же знаете: тайна вклада и прочее...

– Чушь.

– Что «чушь»? – поднял брови первый помощник управляющего банком. – Тайна вклада? Это, смею вас уверить, вовсе не чушь.

– Не чушь, – согласился Павел Иванович. – Но именно в ваших устах эти слова – чушь.

Вот как надо ставить человек на место! Жестко. Безапелляционно. Не давая им возможности как-то подготовиться, оправдаться и дать отпор вашему натиску.

Бурундуков моргнул. Потом сдавленно сглотнул.

– Кажется, вы кое-что подзабыли, – придвинулся ближе к первому помощнику управляющего банком Павел Иванович.

– Что именно? – снова моргнул Бурундуков.

– Что вы нам обязаны, – сухо произнес «граф». – Помните про сорок тысяч, которые Ленчик, простите, Леонид Иванович Конюхов, принес вам в конце сентября? На них вы еще купили себе особняк на Грузинской улице. С садом и дворовыми постройками. Разве не так?

Конечно, первый помощник управляющего банком господин Бурундуков помнил об этом. Как же! Это был оговоренный им процент от суммы кредита, который он выдал «Акционерному обществу Казанско-Рязанской железной дороги», одним из директоров которого и был Павел Иванович Давыдовский. Потом Акционерное общество неожиданно обанкротилось, но это была уже не его, Бурундукова, забота. Его заботой было приобрести и обставить особняк на Грузинской так, чтобы было не хуже, чем у соседей по улице. Ведь улица эта была сплошь дворянской...

– Но...

– Что «но»? Как вас понимать? Там не было сада или были плохие дворовые постройки?

– Нужно поднимать бумаги, что может вызвать нежелательный интерес у нашего бухгалтера, – сделал последнюю попытку к сопротивлению Бурундуков.

Но она была пресечена Давыдовским на корню:

– Такие суммы, какую господин Феоктистов держит в вашем банке, вы наверняка помните наизусть, как «Отче наш». Так что говорите, сударь, не томите... Я жду...

Ничего более не оставалось, как назвать сумму, чтобы этот человек, какого Бурундуков откровенно побаивался, поскорее отвязался от него и ушел. И первый помощник управляющего банком, понизив голос, придушенно произнес:

– Четырнадцать миллионов.

Павел Иванович невольно вскинул брови. Четырнадцать миллионов! Однако...

– Благодарствуйте, – сухо произнес Давыдовский и, не прощаясь, вышел из кабинета. Сию весть надлежало немедленно довести до Севы Долгорукова...

* * *

Дама сердца господина миллионщика Феоктистова, отношения с которой он не афишировал и, более того, старался держать в строжайшей тайне, проживала в Собачьем переулке. Местечке тихом, спокойном и от чужих глаз как бы застрахованном. Некогда переулок был скорее тупичком с захудалыми домишками. Выходил он тогда на Рыбнорядскую площадь, в точности на мясные ряды. Торговцы, распродав желающим мясо, без зазрения совести выбрасывали кости и разную гниль прямо в этот тупичок, и собаки, прознав про такую неслыханную щедрость, сбегались сюда со всего города на пиршество. В иные дни их собиралось здесь такое невероятное количество, что зайти в тупичок – даже если у кого из жителей была такая нужда – не представлялось возможным из страха быть покусанным. А вскоре проулок прозвался в народе «собачьим». Через некоторое время прозвание закрепилось, и переулок, уже официально, стал именоваться Собачьим.

В переулке на день сегодняшний имелось несколько усадеб с одноэтажными, редко – двухэтажными домами и прилегающими к ним немалыми по размеру садами, причем дома стояли в глубине усадеб, и фасады их не выходили на улицу. Так что пройти к такому дому и выйти из него незамеченным было довольно просто. Кроме того, дома усадеб стояли саженьях в пятнадцати друг от друга, и ежели даже любопытствующий сосед захочет углядеть, кто это ходит к его соседке, то ему надлежит занять позицию с самого утра и удерживать ее до глубокого вечера. А кому это надобно – терять уйму драгоценного времени столь попусту и столь неумно?

Звали даму сердца господина миллионщика Наталия Георгиевна. Поселилась она в Собачьем переулке не столь давно, жила тихо и смиренно и считалась соседями вдовицей, поскольку ни мужа, ни детей у нее не имелось. Наталия Георгиевна держала прислугу, тоже молчаливую незаметную женщину, которая, как выяснил Африканыч у местного дворника, приходила к ней по будним дням.

«Стало быть, господин миллионщик приходит к Наталии Георгиевне по воскресеньям», – справедливо решил Неофитов и подумал засесть в секрет. Засаду он устроил в саду усадьбы Наталии Георгиевны, пробравшись в нее в ночь с субботы на воскресенье, благо, сторожевого пса хозяйка усадьбы не держала, а штaketник (всего-то по пояс!) для Африканыча препятствием никогда не служил.

В зарослях сада, куда давно не ступала нога садовника, он оборудовал себе лежбище, устлав его мягкими ветками и старым полушубком, сам, памятуя о прохладных ночах, оделся потеплее и запасся едой и терпением.

Утро воскресного дня он встретил продрогшим до костей. Хотя ночь и не была холодной: октябрь в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году стоял теплый, деревья еще

не сбросили листву, а под ногами зеленела трава, не собирающаяся покуда сохнуть и желтеть. Однако осень к мечтальности не располагает, к тому же лежание на свежем воздухе без движения совершенно не греет и приводит, как правило, к прозябанию телесных членов.

Дабы согреться, Африканыч поднялся со своего лежбища и стал приплясывать, охватывая себя крест-накрест руками. Через несколько минут стало немного теплее. В желании закрепить успех, а ничто так не греет тело и душу, как водочка или хороший обед, Самсон Африканыч решил подкрепиться. Он достал принесенную с собой котомочку, аккуратно расстелил на примятом полушубке нечто вроде скатерочки и стал выкладывать на нее свои припасы: немалый кусок отварной телятины, копченую грудинку с ребрышком, пироги с капустой и грибами, баночку гусиной печенки и круглую баночку с севрюжьей икоркой. Вслед за этим он достал из котомки полуштофную металлическую бутылку с завинчивающейся пробкой (ночью он два раза прикладывался к ней, с тем чтобы чувствовать себя бодрее) и бултыхнул ее. Всплеск показал, что жидкости там еще более половины. И последнее, что он вынул из своей котомки, был стеклянный овальный контейнер с двойными стенками величиной с ладонь, плотно закупоренный пробкой, поверх которой на корпус сосуда был навинчен стаканчик, служивший одновременно его крышкой. Неофитов свинтил стаканчик, открыл пробку, и из контейнера повалил пар.

Африканыч втянул носом ароматный запах кофею и тихо произнес:

– Ах, сволочи!

Скорее всего, это определение относилось к немцам-физикам, придумавшим такой контейнер, нежели к Севе Долгорукову и Огню-Догановскому, поручившим ему следить за Наталией Георгиевной и тем самым заставившим мерзнуть в ее саду. Потому как сволочами он не назвал бы их, даже представ перед Страшным судом. Правда, контейнер с двумя стеклянными стенками и вакуумом между ними являлся сосудом техническим и предназначался для хранения жидкого кислорода. Но умные граждане, к которым, несомненно, относился и Самсон Африканыч, уже приспособились употреблять его в качестве резервуара, способного сохранять температуру помещенной в него жидкости, и называли его вакуумной фляжкой...

Африканыч налил в стаканчик кофею и со вкусом глотнул. Потом еще и еще. На его лице растеклась блаженная улыбка. А потом... Потом началось пиршество. Засада засадой, но Африканыч не должен оставаться голодным ни при каких обстоятельствах...

Неофитов любил вкусно и плотно покушать. Поэтому он успокоился только тогда, когда от отварной телятины не осталось даже воспоминания, пироги с капустой и грибами тоже приказали долго жить, банки с гусиной печенкой и севрюжьей икрой опустели, а от копченой грудинки осталось только ребрышко, чистое и белое, как только что выпавший снег.

Вот когда по-настоящему стало тепло. Африканыч запил свой «завтрак» кофею из вакуумной фляжки (кофей и по сию пору оставался горячим) и тут услышал стук копыт. В воскресное утро, когда в городе пустынно, топот конских копыт о мостовую доносится особенно громко. Скажем, едет экипаж по Большой Красной, а слышно аж в Мокрой слободе. Или, к примеру, въезжает в город со стороны Сибирской заставы крестьянская телега, так громохание ее колес по мостовой можно услышать и на Купеческом бульваре, что возле Крепости...

Заслышав подъехавший экипаж, Африканыч занял смотровую позицию и весь обратился во слух и зрение. Из его секрета хорошо просматривался дом Наталии Георгиевны и высокое парадное крыльцо. Стук копыт стих, скрипнула калитка, и через несколько мгновений на крыльцо дома ступил степенный господин с большой окладистой бородой а-ля великий князь Михаил Николаевич. Только у ныне здравствующего Его Императорского Высочества, Председателя Государственного Совета Российской империи имелась такая роскошная борода. Ну, и еще у казанского миллионера Ильи Никифоровича Феоктистова.

Как только сей господин ступил на крыльцо, двери дома наполовину открылись, и господин Феоктистов прошел в образовавшийся проем как к себе домой.

«Не ошибся Ленчик, – подумал про себя Самсон Африканыч. – Захаживает наш фигурант к хозяйке особнячка. Не без того...»

Выждав минут сорок, Неофитов решил перенести свою позицию ближе к дому. Короткими перебежками, пригибаясь и стараясь быть незамеченным, Африканыч подобрался к дому и заглянул в ближайшее оконце. Но это оказалась гостиная.

«Они быстрые, уже прошли в спальню!» – отметил для себя Неофитов, полагаясь на собственный опыт, и не ошибся. Парочка, и правда, оказалась в спальне. Африканыч приблизил свое лицо к оконному стеклу и через щель неплотно сдвинутой занавески узрел такое, от чего у него стало прохладно в животе и ослабли ноги.

Мать честная! Разумеется, что подобное отношение женщины к мужчине ему приходилось видеть и ранее. Впервые – на французских порнографических открытках. Их как-то принес в гимназию Семка Голохвастов, которому их вручил вместе с противуправительственной литературой какой-то горбоносый народник-земледелец, называвший себя «бланкистом». Открытки эти перевернули все мировоззрение молодого Самсона Неофитова. Оказывается, женщина есть не только божественное создание, каковому следует преклонять колени и посвящать стихи и сонеты, но и средство или объект для получения чувственного наслаждения. Такого чувственного, что аж дух захватывает! И так можно с нею... И эдак. А на одной из этих открыток и было изображено то, чем как раз занималась в настоящий момент Наталия Георгиевна с миллионщиком Феоктистовым. Старик стоял перед ней со спущенными портками и, запрокинув голову и прикрыв глаза, тоненько постанывал от удовольствия. Рот его был приоткрыт в блаженном оскале, а борода торчала вбок и параллельно земле. Голова Наталии Георгиевны ходила ходуном, а сама она стояла на коленях с оголенной грудью. Время от времени Феоктистов открывал глаза и смотрел вниз, на эти груди и совершаемое действие, а потом снова запрокидывал голову в несказанном наслаждении и щерился еще больше. В общем, посмотреть было на что...

Потом старик изогнулся и заорал так, что Африканыч пригнулся и едва не распластался на земле. Выглянув через минуту, он увидел, что все закончилось, любовники, как ни в чем не бывало, сели пить чай с малиновым вареньем и бубликами.

Самсон Африканыч потоптался малость под оконцами и пошел прочь. То, что он увидел, Неофитов пробовав и сам. Впервые – в заведении купеческого сына Кеши Симонова на Маросейке. Двадцатилетний Иннокентий Симонов не захотел связывать себя какими-либо купеческими делами и открыл подпольный игорный дом, в скором времени ставший самым популярным местом «отдыха» для московской золотой молодежи, под завязку пресыщенной балами, раутами и прочими светскими развлечениями. Здесь, помимо игры в карты, естественно, на крупный интерес, что ощутимо щекотало нервы, можно было выпить хорошего выдержанного вина, а кухня и вовсе была отменной. После же карточной игры и хорошего обильного стола – добро пожаловать в апартаменты к девочкам! Неофитов был в числе первых московских кутил, кто стал завсегдатаем этого заведения Кеши Симонова. И то, что он увидел в домике Наталии Георгиевны, у Кеши Симонова впервые проделала с Африканычем девица по имени Поленька.

Сделать это она вызвалась сама.

– Хочешь, я тебе сделаю нечто такое, от чего ты испытаешь высшее блаженство, какового еще никогда не испытывал? – спросила она, лаская прохладными пальчиками его опавшее естество после второго соития. – Ты просто улетишь на небо!

Африканыч, как звали его остальные завсегдатаи заведения Кеши Симонова, высшее блаженство испытать, естественно, захотел. О, это было ни с чем не сравнимое ощущение! Он просто окунулся в море неги и блаженства, и мир с его пространством и временем перестал для него существовать. После этого случая он стал порой практиковать с дамами подобную ласку, хотя одержимым ею не был, как некоторые иные мужчины.

Собственно, в этом заведении Кеши Симонова и открылся клуб «Червонные валеты». И одним из основателей клуба был Самсон Африканыч Неофитов...

* * *

– Рассказывай, – без обиняков сказал Сева Долгоруков, когда Африканыч пришел к нему в особняк на Старогоршечной. – Чего удалось накопать?

– Да есть кое-что, – усмехнувшись, произнес Неофитов. – Оказывается, этот наш престарелый фигурант-миллионер – большой любитель одной интимной ласки...

– Какой же? – с любопытством поинтересовался Всеволод Аркадьевич.

Африканыч, не зная как сказать, немного замялся:

– Ну... этой... когда лизут... его...

И он опустил свой взгляд на низ живота.

– Что ты говоришь! Мать честная! – воскликнул Сева. – Ай да старичок! А он у нас, оказывается, большой затейник!

– Представь себе, – произнес Африканыч. – Своими глазами видел.

– Сла-авно, – протянул Сева. – Итак, что нам это дает?

– Надо посмотреть Уложения о наказаниях, – посоветовал Самсон Африканыч.

– Да что их смотреть, ежели я их почти наизусть знаю... – Сева подумал малость, а затем процитировал: – Раздел «О преступлениях против чести и целомудрия женщин». Статья об установлении ответственности за растление девицы, не достигшей четырнадцати лет... Нет, не подходит... Об изнасиловании лица женского пола... Не подходит... – Долгоруков собрал лоб в морщинки. – Вот: похищение и обольщение женщины или девицы!

– Он ее не похищал, Сева, – заметил шефу Неофитов.

– Знаю, – отмахнулся от друга Долгоруков. – Но обольстил! Наверняка особнячок, где проживает эта твоя...

– Не моя, Сева, и я не хотел бы, чтобы ты...

– Не перебивай! – Долгоруков продолжил мысль: – Эта твоя...

– Да не моя, Сева, и я как раз об этом хотел с тобой поговорить...

– ...Наталья Георгиевна... был приобретен на средства Феоктистова. И теперь старик просто принуждает ее обольщением отрабатывать свои денежки. Понимаешь? Принуждает!

– Сева, я бы хотел попросить тебя...

– Да ты дослушай! – снова не дал досказать Африканычу Всеволод Аркадьевич. – Согласно Уложению о наказаниях за обольщение наказание отягощается в том случае, ежели эти действия совершены лицом, от которого женщина непосредственно зависит. Это может быть ее начальник, опекун, человек, на чьи средства она существует... – Сева уже повеселевшими глазами посмотрел на друга: – Понимаешь?

– Да, – коротко ответил Африканыч.

– Эта Наталья Георгиевна, несомненно, зависит от Феоктистова. В материальном плане. Ведь она его содержанка. И при ее отказе доставить Феоктистову известное удовольствие он возьмет да и потребует вернуть ему денежки за дом. Такой скупердяй, как наш фигурант, не мог записать дом на ее имя, ведь так?

– Так, – согласился Самсон Африканыч.

– Но ты на всякий случай узнай, на кого записан дом, хорошо? – попросил Всеволод Аркадьевич.

– Будет сделано, – ответил Неофитов.

– Лады... Значит, у нас имеется что? – задал, сам себе вопрос Долгоруков и сам же ответил: – А у нас имеется обольщение бедной женщины путем принуждения ее совершать действия, порочащие ее честь и целомудрие, ввиду полной материальной зависимости от лица,

принуждающего к этим действиям... Это уже тюремный срок, Африканыч! Сидеть этому Феоктистову на киче!

– Это еще не факт, что сидеть, – уныло заметил Самсон Африканыч.

– Не факт, согласен. Скорее всего, наш миллионер никогда не будет сидеть на киче, – произнес задумчиво Сева. – Но нам этого и не надо! Нам нужен крючок, на который мы можем его зацепить. И он у нас имеется!

– Не шибко это большой крючок, – снова безрадостно заметил Неофитов.

– Это с какой стороны посмотреть, – не согласился с помощником и другом Долгоруков. – Ведь у нас принуждение женщины совершать с мужчиной сладострастные действия усиливается еще извращенной формой этих действий. Кроме того, здесь вдобавок просматривается преступление против общепринятых в обществе канонов нравственности, – с некоторым жаром добавил Всеволод Аркадьевич. – Ибо наряду с мужеложством и скотоложством, преступлением против общественной нравственности является и половая связь неженатого мужчины с незамужней женщиной...

– Мне кажется, – сказал Африканыч, – то, что она делала с Феоктистовым, она делала не без удовольствия...

– Ну, не могла же она делать «доброе дело» для своего благодетеля с брезгливым выражением лица. Не мне тебе говорить, что женщины довольно часто показывают мужчинам, что испытывают с ними несказанное наслаждение только для того, чтобы не обидеть его. Так что испытывала она удовольствие или только делала вид, будто бы ей приятно, нам совершенно неважно, – ответил Долгоруков. – Мы оперируем голыми фактами. А они налицо... Ты что мне хотел сказать-то? – неожиданно соскочил с одной темы на другую Сева и внимательно посмотрел прямо в глаза друга.

Метаморфоза! Африканыч не первый раз сталкивался с такой способностью Долгорукова: закончив одну тему разговора, он тотчас переходил к другой. Казалось, что в голове шефа работало несколько машин одновременно, отвечающих за выработку совершенно разных мыслей. И память у него была отменная. Но шеф на то и шеф, чтобы быть умнее своей команды. Поэтому Самсон Африканыч, ничуть не удивившись мгновенной смене разговора, ответил:

– Я хотел сказать тебе, что после того, ну, увиденного мной в ее доме, я... не хотел бы заниматься этой барышней, которая у мужчин того... В общем, ты понимаешь.

– Конечно... Если бы она занималась такими вещами не со стариком, а с тобой, то тогда было бы совсем другое дело, верно? – посмотрел Сева на Африканыча.

– Верно, – почти с вызовом ответил Неофитов.

Долгоруков посмотрел на Неофитова и едва покачал головой...

Сколько они знают друг друга? Лет пятнадцать? Больше?

* * *

Они познакомились в одна тысяча восемьсот семьдесят втором году. К этому времени клуб «Червонные валеты» существовал уже пять лет, и о нем в Москве были хорошо наслышаны. Основали знаменитый клуб купеческий сын Кеша Симонов, профессиональный карточный игрок Огонь-Догановский, помещик из Нижнего Новгорода многоженец де Массари, самочинно присвоивший себе титул графа сын тайного советника Давыдовский, отпрыск генерала от артиллерии Шпейер и четыре юных прожигателя жизни – Неофитов, Каустов, Протопопов и Брюхатов. Бессменным председателем клуба был единогласно выбран Павел Карлович Шпейер, тот самый, который тремя годами позже продаст губернаторский дворец на Тверской заезжому английскому лорду за сто тысяч рублей серебром, что и приведет впоследствии к судебному следствию и кончине клуба...

«Червонные валеты» продавали несуществующие имения, ловчили с фальшивыми векселями и долговыми расписками, нечисто играли на бирже и облапошивали за карточными столами подгулявших купчиков. А познакомил Севу Долгорукова с Самсоном Неофитовым и прочими «валетами» случай...

В один из апрельских дней тысяча восемьсот семьдесят второго года действительный студент выпускного курса юридического факультета Всеволод Аркадьевич Долгоруков был безмерно счастлив. Он только что сдал на «отлично» свой последний экзамен; в душе бушевала весна, и вообще жизнь казалась нескончаемым праздником. Сева и его приятель Сергей Юшков, с которым вместе снимали на двоих квартиру на Маросейке близ церкви Космы и Дамиана, решили прогуляться по Воздвиженке. Ведь хорошо гулять, когда на улице и в душе весна! Юшков предложил Севе поиграть в лотерею. И Долгоруков, не долго думая, согласился. Лотерея проводилась, как обычно, в здании Городской Думы. Народу было не протолкнуться, но молодость и крепкие плечи взяли свое.

– Мне бы два билетика, будьте добры, – сказал Долгоруков, сунул руку в карман и... застыл.

– Ну, давай, бери, что же ты! – заторопил его Юшков.

– Портсигар украли! – выдохнул Сева.

– Что?

– Портсигар украли фамильный, подарок отца, – промолвил Сева, бледнея, и стал осматриваться. Весна в душе улетучилась, уступив место зимней стуже...

– Это он, касатик, точно он! – сказала Долгорукову невесть откуда взявшаяся крохотная старушка, указывая на франта с прилизанными волосами, что стоял рядом с Севой.

– Что? – не понял Долгоруков.

– Да он, хлыщ этот самый, у тебя, касатик, из карману что-то вытащил и другому такому же хлыщу в толпу передал. Своими глазами видала, милостивец ты мой.

Долгоруков поднял глаза на франта. Тот дернулся было, но Юшков уже крепко держал его за руку.

– Вы не имеете права, – торопливо произнес франт, пытаясь высвободиться из цепких рук друга Севы. – Это возмутительно! Я решительнейшим образом протестую против подобного обращения!

Тотчас подошли усатые крепкие ребята при шашках из ближайшей полицейской части, вежливо поинтересовались, что произошло, и повели крепко затосковавшего прилизованного франта в участок.

– Он, он это, – семеняла за ними старушка. – Своими глазами видала, милостивцы вы мои...

Из участка Сева с Юшковым отправились обедать. Долгоруков был явно расстроен и, не доев харчей, молча исчез, не сказав куда. Вернулся он часов в шесть вечера, покрасневшийся и возбужденный.

– Ты откуда такой? – спросил его Юшков.

– Потом, потом, – быстро ответил Сева и отправился в свою комнату.

– Да что такое произошло? – прошел вслед за ним Юшков и увидел, что Долгоруков достает из комода револьвер «Смит и Вессон», оставшийся после отца, служившего в молодости прапорщиком на Дальнем Востоке. – Это тебе зачем?

– Надо, – ответил Сева.

– Не пуцу, пока все не расскажешь, – безапелляционно заявил приятелю Юшков.

– Нельзя, ты можешь испортить все дело, – резко ответил Сева.

– Не испорчу. Говори, – не отставал друг.

– Ладно. Я ходил в участок, разговаривал с жуликом, – посмотрел на Юшкова Долгоруков.

– И что?

– Упрямый... Долго запирался: никого не знаю, ничего, мол, не ведаю... Тогда я обещал ему, что если он поможет вернуть портсигар, я вытащу его из участка. Согласился, гад. Потом написал записку к своим подельникам, дал их адрес и взял с меня честное слово, что я ничего никому не скажу. И пойду к ним один.

– Пойдешь? К ним?!

– Пойду, – твердо ответил Сева.

– И тебя не переубедить, – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнес Юшков.

– Нет.

– А что за адрес? – уже более спокойно спросил Юшков.

– Ты не поверишь, это на нашей улице, дом... – начал было Сева, но, спохватившись, произнес: – Тьфу ты, не могу назвать дом, прости. Я слово дал, что никому не назову их адрес... В общем, жди меня через час.

Сева Долгоруков не боялся идти в логово мошенников. Просто немного смущал адрес: Маросейка, дом Симонова. Он знал этот дом, что стоял почти напротив храма Николы Чудотворца и имел репутацию «веселого». Иначе – дома с карточной игрой и девицами-горизонталками...

Он не без волнения подошел к шикарному подъезду и постучал в дверь тяжелым медным кольцом. Двери почти тотчас отворились, и весьма премиленькая горничная спросила:

– Вам кого?

– Я по записке... Вот, – ответил Долгоруков и показал горничной клочок бумаги. – Мне нужен господин Шпейер.

– Проходите, – не очень уверенно ответила горничная и отступила, пропуская Долгорукова в прихожую. Потом они поднялись по мраморной лестнице на второй этаж, и в небольшой гостиной перед кабинетом-библиотекой горничная попросила подождать.

Ее не было минуты две. Потом горничная вышла и жестом пригласила Долгорукова войти. И Сева вошел...

На него уставились три пары глаз.

Одна принадлежала смешливому молодому господину, почти юноше с легким румянцем на щеках. Он был пригож собой, черноглаз, а некая легкая азиатчинка, которую едва можно было уловить в его облике, вместе со взглядом черных бездонных глаз и нахально вздернутым носом делали молодого человека столь обворожительно притягательным, что ему с первого же взгляда невозможно было не довериться. Без сомнения, в него гуртом влюблялись женщины, и он умело и охотно этим пользовался, нимало не смущаясь ни своей молодости, ни последующих впоследствии разговоров и разбирательств. И вообще, из всей троицы он был самым к себе располагающим. Это и был Африканыч – Самсон Африканович Неофитов.

Вторая пара глаз принадлежала простоватому на вид мужчине лет тридцати, который единственный из всех троих был одет в домашний архалук, что позволяло предположить в нем хозяина дома, того самого Иннокентия Симонова, купеческого сына, держащего в своем доме «веселое» заведение, а иными словами, бордель.

Третья пара глаз была особенно примечательной. Можно было не сомневаться, что обладатель таких глаз точно знает, что он хочет от жизни. И то, чего он хочет, у него непременно будет. Иначе просто и быть не может! Взор этих глаз, казалось, никогда не выражал сомнения или нерешительности. По крайней мере так показалось Севе. Господину с пронзительным взором, судя по всему, не было еще и тридцати лет. И, похоже, в этой троице он был главным. Надо полагать, это и был тот самый Павел Карлович Шпейер, о котором говорилось в записке.

– Вы кто? – спросил он.

– Я Долгоруков, – ответил Сева с вызовом.

– Это мы видим, что долго-руков, – насмешливо произнес обладатель пронзительного взгляда, окидывая взором крепкую фигуру Сева. – Иначе вы сюда попросту бы не попали.

– А вы – Шпейер? – спросил Сева.

– Да, – ответил тот. – Я Шпейер. А это мои друзья: Иннокентий Потапович Симонов, – Шпейер поворотом головы указал на мужчину в архалуке, – и Самсон Африканыч Неофитов, – Павел Карлович посмотрел теперь на смешливого господина с румянцем на щеках, и тот улыбнулся.

– Долгоруков, Всеволод Аркадьевич, – сказал, в свою очередь, Сева, соблюдая нормы приличия. – Дворянин.

– Очень приятно, – произнес Шпейер. – Присаживайтесь.

– Благодарю, – Сева устроился в свободном кресле.

– А вы, и правда, Долгоруков? – спросил вдруг Неофитов.

– Да, – ответил Сева. – Только не князь.

– Значит, вы не родственник нашего многоуважаемого губернатора Владимира Андреевича? – снова спросил Неофитов. – Ну, скажем, родной племянник?

– Нет, – несколько удивленно ответил Долгоруков.

– Жаль, – констатировал красавчик.

– Весьма жаль, – подтвердил Симонов.

И вся троица рассмеялась.

– А что вы увидели здесь такого смешного? – недовольно спросил Долгоруков.

– Дорогой Всеволод Аркадьевич, – доверительно произнес Шпейер, и взгляд его стал менее пронзителен. – Не сердитесь. Это мы не над вами смеемся, а о своем...

– О девичьем, так сказать, – добавил за Шпейера Неофитов, и трое мужчин снова рассмеялись.

Они совершенно не походили на громил и на первый взгляд выглядели вполне приличными и добропорядочными людьми. Впрочем, как и на второй взгляд тоже. Надо полагать, что так же будут выглядеть и на третий.

– Итак, господин Долгоруков-не князь, – с улыбкой обратился к Севе Павел Карлович Шпейер, – позвольте полюбопытствовать, что за дело привело вас к нам?

– Вот, – ответил Сева и протянул записку Шпейеру.

– М-да-а, – прочитав записку, протянул Павел Карлович и посмотрел на своих друзей: – Господа, наш уважаемый Поль попался с поличным.

Лица мужчин сделались печальными. Установилось молчание. Затем Шпейер сказал Севе:

– Вы нас извините, monsieur, но мы вынуждены на минутку оставить вас поскучать в одиночестве... Ибо нам необходимо посоветоваться, – доверительно добавил он.

С четверть часа Долгоруков просидел один, разглядывая на стеллажах корешки книг. Шпейер вернулся один.

– Мне очень неловко говорить вам это, мой друг, – глядя прямо в глаза Севе, начал Павел Карлович, – но мы не можем вернуть вам портсигар, так как он сейчас находится у одного из наших товарищей. Но завтра он непременно будет у вас.

Что ж, примерно такого поворота событий Сева и ожидал. И заявил, что портсигар ему нужен сегодня.

– В противном случае, – добавил он, – я оставляю за собой право действовать по своему усмотрению.

Шпейер снова сказал, что вернуть портсигар сегодня не представляется возможным, и предложил за него деньги. Сева Долгоруков решительнейшим образом отказался.

– Хорошо, – подумав, произнес Павел Карлович. – Вы получите свой портсигар ровно через два часа... А вы и правда сможете освободить нашего товарища?

– Да, – просто ответил Сева.

Потом они пили чай и беседовали. О чем? Да, собственно, обо всем! О том, к примеру, что в жизни лучше, да и здоровее исполнять собственные желания, нежели чужие, и жить нужно так, как ты хочешь сам, а не как того хотят другие. Например, о том, что для мужчины важнее всего в этой жизни свобода и независимость. От всего! От обстоятельств, начальства, от женщин и обязательств, бывающих не в радость и только отягощающих радость бытия, которое должно быть обязательно. А иначе к чему жить?

Беседовали о том, что жить весело – интереснее, нежели жить скучно и однообразно. О том, что некий риск в жизни обязательно должен присутствовать, а иначе можно покрыться плесенью и состариться раньше срока. И сошлись во мнении, что гробить свою жизнь на получение чинов и званий, кланяясь, виляя копчиком пред сильными мира сего, подчиняя тому свои желания, будет несомненной глупостью...

Много еще о чем успели поговорить Павел Карлович и Всеволод Долгоруков. И когда вернулся Неофитов с каким-то пожилым господином по фамилии Огонь-Догановский (а тогда этот господин показался Севе весьма пожилым, но затем это впечатление постепенно исчезло) и выложил на столик перед Долгоруковым фамильный портсигар, Сева и Павел Карлович стали почти друзьями. Наверное, эти два часа и повлияли на выбор, который Долгоруков сделал несколько позже, став «червонным валетом»...

* * *

– Ладно, я понял. Интиму с ней от тебя не потребуется, – Всеволод Аркадьевич примирительно посмотрел на Африканыча. – Феоктистов эту Наталию Георгиевну, похоже, просто использует как инструмент для собственного удовольствия. Как даму легкого поведения, которой не нужно платить, потому что все давно оплачено наперед. А ты будешь откровенен с проституткой?

– Шутишь? – усмехнулся Неофитов. – С какой это стати?

– Верно, – задумчиво произнес Сева. – С горизонталками и блудницами мужчины откровенными не бывают. Разве что по глупости или по пьянке. А Феоктистов у нас из породы непьющих и далеко не глупец. Следовательно, наш фигурант-миллионер вряд ли близок с Наталией Георгиевной настолько, чтобы посвящать ее в свои секреты. Верно ведь?

– Абсолютно верно, – полностью согласился с Долгоруковым Самсон Африканыч.

– Стало быть, от интимного знакомства с этой Наталией для сбора компроментажа на Феоктистова ты освобождаешься. Все равно она ничего такого про своего благодетеля не знает. Исключая, конечно, его любовь к определенному виду интимных ласк, что мы уже знаем и без нее. Но то, что ты накопал, – это мелочь, – продолжил свою мысль Всеволод Аркадьевич. – А вот отыскивание настоящих компрометирующих фактов, что позволит нам прижать фигуранта так, чтобы он и рыпнуться не посмел, остается твоей наипервейшей задачей. Ты понял?

– Понял, – просто ответил Самсон Африканыч. И расслабленно улыбнулся.

Глава 4

«Око за око», или Снова папка с красными тесемками

16 октября 1888 года

Заканчивался второй час совещания, а Острожский и не думал никого отпускать. Он сидел, погруженный в невеселые мысли и, казалось, не слушал доклады приставов о происшествиях и уголовных делах, что велись на их участках. Но один доклад, пристава Евдокимчука, его заинтересовал...

Василий Андрианович Евдокимчук пребывал в должности пристава второй год. Раньше он служил квартальным надзирателем и знал всех своих подопечных в лицо. Знал и двух товарищей с улицы Подлужной, что дружили с малолетства, – Клавдию Шандыбину и Марию Осипенко. Дело, про которое он сейчас рассказывал, касалось именно их двоих и официально называлось «Делом об увечье мещанки Шандыбиной», а неофициально – «Бабыми разборками». Газетчики же прозвали его «Око за око».

Евдокимчук докладывал четко и внятно, короткими понятными фразами:

– Восемнадцатого мая сего года в Окружном суде слушалось дело, возбужденное по просьбе Клавдии Шандыбиной. Она обвиняла своего мужа Филиппа Шандыбина и его сожительницу Марию Осипенко в прелюбодеянии. Осипенко была доставлена на судебное следствие из тюремного острога. Она отбывала наказание по приговору Окружного суда за причинение Клавдии Шандыбиной неизгладимого обезображения лица посредством серной кислоты. На суде между бывшими товарками началась перебранка. А дело в том, что Клавдия Шандыбина, выйдя замуж за Филиппа, отбила его тем самым у Марии Осипенко, с которой до этого Шандыбин сожительствовал уже полтора года. На восьмой день после свадьбы Осипенко, обманным образом выманив Шандыбину на берег Казанки, плеснула ей в лицо серною кислотой. Филипп Шандыбин после обезображения лица своей супруги, к тому же ослепшей на один глаз, ушел от нее к Осипенко и проживал с ней вплоть до арестования последней. Она была осуждена Окружным судом на два с половиной года тюрьмы. И вот, встретившись на суде, Мария Осипенко стала всячески поносить Шандыбину и издеваться над ее уродством. А потом заявила, что-де она добилась того, чего желала: Филипп, мол, теперь ее. И пока, дескать, она будет жива, не видать Клавдии Филиппа Шандыбина как своих ушей...

– Вот бабы-то, а? Чего вытворяют! – не выдержал кто-то из приставов, но Яков Викентьевич столь строго посмотрел на говорившего, что тот мгновенно умолк.

– Не выдержав издевательств Осипенко, Шандыбина ушла из зала суда, затаив обиду, – продолжил свой доклад Евдокимчук. – И решила отомстить своей бывшей товарке. Она зашла в аптекарский магазин на углу Большой Проломной и Университетской улиц, купила там бутылку серной кислоты и вернулась к зданию Окружного суда. Дождавшись, когда Осипенко выведут из здания суда, дабы отправить обратно в тюрьму, она подбежала к ней. «Ты мне один глаз выпекла, а я тебе выпекну оба!» – крикнула Шандыбина Осипенко и плеснула ей в лицо серной кислотой. Клавдия Шандыбина была немедленно заарестована, а Мария Осипенко отправлена в больницу. На ее счастье, она ослепла только на один глаз. Но все лицо ее и шея были обезображены кислотой навечно. Что же касается Шандыбиной, то дело ее закончено и передано в суд, – завершил доклад Евдокимчук.

– Оправда-ают, – протянул кто-то из приставов.

Острожский в знак согласия кивнул, а затем спросил:

– Все?

На резонансное дело, о котором бы заговорили в Петербурге, «Око за око» не тянуло.

– Точно так, все, – ответил Евдокимчук.

– Хорошо, все свободны, – немного подумав, произнес исполняющий должность казанского полицеймейстера коллежский советник Яков Викентьевич Острожский. А затем, переведя взгляд на своего помощника, добавил: – Вас же, господин Розенштейн, я попрошу остаться...

* * *

Когда все разошлись и Острожский и Розенштейн остались вдвоем, исполняющий должность полицеймейстера, потеплев взглядом, произнес:

– Я вот с какой целью попросил вас остаться, Николай Людвигович.

– К вашим услугам, Яков Викентьевич, – с готовностью отозвался Розенштейн.

– Вернее, цели имеются две, – поправился Острожский. – Первая – это объясниться с вами...

Розенштейн вскинул глаза на начальника и быстро отвел взгляд.

– Да, объясниться, – повторил Острожский. – Мне кажется, наши отношения оставляют желать лучшего...

– Это не моя вина, – негромко произнес Розенштейн и кашлянул.

– Вина моя, признаю, – ответил на это Яков Викентьевич. – Посему я и начал этот разговор, дабы... принести вам свои извинения.

Помощник полицеймейстера снова посмотрел на Острожского. В его взгляде можно было прочесть удивление и недоверие.

– Да, да, Николай Людвигович, – подтвердил свои намерения Острожский. – Именно принести вам свои извинения.

Ах, как трудно дались эти слова исполняющему должность полицеймейстера коллежскому советнику. Как бунтовало против этого его нутро! Как отказывался повиноваться язык, произнося эти слова! Но... ничего не поделаешь. Есть такое слово: надо! Надлежит начинать дело против Долгорукова и его преступной шайки. Пока что негласно, тайно. Не то можно просидеть в коллежских советниках до скончания веку. А в исполняющих обязанности полицеймейстера – покуда рак на горе не свистнет. А ежели получится вывести Всеволода Аркадьевича Долгорукова с его шайкой на чистую воду, таковое деяние, несомненно, принесет и ожидаемые результаты. А кому можно такое поручить во всем управлении? Единственно Розенштейну...

– Извинения принимаются? – заставил себя улыбнуться Яков Викентьевич Острожский.

– Уже приняты, – вполне искренне улыбнулся в ответ помощник полицеймейстера.

– Тогда цель разговора номер два...

Яков Викентьевич открыл один из ящиков стола и извлек на свет божий папку с красными тесемками.

– Что это? – недоуменно поинтересовался Розенштейн.

– Это то, что я хочу вам поручить, – ответил Острожский. – Дело бывшего члена московского клуба «Червонные валеты». Точнее, одного из самых деятельных членов этой преступной организации мошенников и аферистов, – выразительно добавил Яков Викентьевич. – Он был осужден в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году постановлением Московского окружного суда на три с половиной года тюрьмы, отбыл срок в Бутырской тюрьме и ввиду последовавшего затем решения Департамента полиции о запрещении проживания во многих губернских городах, не считая обеих столиц, выбрал местом проживания наш город. Зовут вашего нового фигуранта Всеволод Аркадьевич Долгоруков. Ныне он коммерсант и предприниматель, а также весьма состоятельный, по губернским меркам, господин. Проживает он в собственном доме по улице Старогоршечной. Надеюсь, – Острожский посмотрел на своего помощника, – вы не впервые слышите эту фамилию?

– Не впервые, – соглашаясь, кивнул Розенштейн. – Он проходил свидетелем по делу о хищении подставным лицом-бенефициаром двух миллионов рублей по аккредитиву Волжско-Камского коммерческого банка и банкротстве «Акционерного общества Казанско-Рязанская железная дорога». А вы полагаете, что Долгоруков – не просто свидетель и пострадавший, но как-то замешан в этом деле? – с интересом спросил Николай Людвигович.

– Не полагаю, – серьезно посмотрел на своего помощника исполняющий должность полицеймейстера. – Уверен абсолютно!

– А факты? – задал хороший вопрос Розенштейн.

– А вот касательно фактов я и хотел с вами переговорить, – мягко произнес Острожский.

– Слушаю вас, Яков Викентьевич...

– Я поручаю вам раздобыть эти факты, – после небольшой паузы твердо сказал Острожский. – И желательно, в самое ближайшее время. Я уверен, нет, просто убежден, что такой человек, как вы, добудете их, чего бы вам это ни стоило. Кроме того, господин Долгоруков явно замешан и во многих иных, покуда не раскрытых и даже сокрытых от нас делах о мошенничествах и аферах, произошедших в нашем городе с момента его появления в Казани. Поскольку люди, обманутые им, скорее всего, предпочитают об этом помалкивать, чтобы не потерять репутацию в обществе и в сфере личных или коммерческих интересов. Итак: мне нужно знать все об этом человеке, – цепко посмотрел на Розенштейна коллежский советник Острожский, мягко опустив ладонь на зеленое сукно письменного стола, – все и еще немного больше! После чего мы с вами снова засадим его за решетку, где ему самое место. Равно как и всю его шайку...

«И тогда ты получишь чин статского советника и утверждение в должности полицеймейстера», – хотел добавить Николай Людвигович. Но благоразумно промолчал и вместо этого произнес:

– Слушаюсь, господин Острожский!

– Вот, – Яков Викентьевич передал Розенштейну папку с красными тесемками. – Здесь все, что мне удалось собрать на Долгорукова и его «команду». Конечно, прямых улик на его участие в преступных махинациях и аферах там нет, но косвенные улики – тоже улики, надо полагать? Кроме того, – тут Яков Викентьевич стушевался, что вызвало у его помощника, Розенштейна, некоторое удивление, ибо он еще никогда не видел своего начальника смущенным чем-либо, – я записывал кое-какие свои мысли касательно различных дел, в которых всплывала фамилия Долгоруков. Так что... не судите сии записки слишком строго и... надеюсь, что вам они пригодятся...

– Я вас понял, Яков Викентьевич, – произнес Розенштейн, забирая у начальника папку с красными тесемками. – Не беспокойтесь. Я, несомненно, приложу все усилия, чтобы обнаружить факты, изобличающие преступников. Если таковые, конечно, имеются...

– Имеются, Николай Людвигович, имеются, – безапелляционным тоном заверил своего помощника Острожский. – Можете не сомневаться. А иначе зачем бы я стал давать вам поручение, заблаговременно обреченное на невыполнение? К чему бесполезно сотрясать воздух? Ну и еще повторюсь: у вас на это крайне мало времени.

– А сколько? – поинтересовался Розенштейн.

– Недели две, не больше, – ответил Острожский. – Постарайтесь уложиться в этот срок, договорились?

– Хорошо, – сказал Розенштейн. – Я постараюсь...

Глава 5

Град Свяжский, или «С трудов праведных не наживешь палат каменных»

Октябрь 1888 года

Когда-то Свяжск был городом, вполне сравнимым с Казанью. И даже соперничал с ней по значимости. Было это в первые сто лет его существования. А триста тридцать семь лет назад города не было вовсе. Стоял крутой холм-останец, весь лесом поросший. Молодой государь Иван Васильевич в очередной раз возвращался из Казанского похода, опять неудачного. И остановил свой возок у перевоза через Свяга-реку, чтобы юношеские косточки поразмять да нужду малую справить. Справил. Поразмял. А потом смотрит: место-то зело благоприятное для крепостицы русской, дабы иметь близ стен казанских базу с воинами и воинскими и продовольственными запасами. Это могло бы сильно облегчить задачу покорения Казани. Однако поставить русскую крепость в этих местах было весьма непросто: по правую и левую от холма стороны жили горные и луговые черемисы – воинственная народность мари, мужчины которой из века в век промышляли охотой. Белку в глаз били, а человека и подавно. Только на горной стороне проживало таковых до сорока тысяч лучников. Не позволили бы они на своих землях просто так город построить.

Чья была мысль построить город-крепость на спокойных русских землях, а затем, разобрав его, свезти на нужное место и быстро собрать – неведомо. Может, эта мысль принадлежала самому государю, может, его зело умному приятелю Алеше Адашеву, может, дякву Ивану Выродкову, весьма острому умом хитрецу-градоимцу, коему и был поручен надзор за строительством города. Однако город срубили в угличских лесах на Верхней Волге в тысяче верст от Казани, потом разобрали, бревна пометив, и по весне свезли на облюбованный холм. Четыре недели с малым понадобилось, чтобы вновь собрать город. Поначалу медленно рос городок: бревна меченые попутали, помешали по торопливости, и лай, как водится у русских людей, стоял густой. А опосля помалу сладилось – работали молча, споро. И возрос в мае тысяча пятьсот пятьдесят первого года город-крепость со стенами острожными, двумя монастырями и шестью приходскими церквами да домами и хоромами жилыми и прочим, что положено иметь городу по уставу.

Знатен был град Свяжский и при царе Борисе Годунове, и при императоре Петре Первом, и при государыне-императрице Екатерине Великой, даровавшей Свяжску собственный герб – «В голубом поле деревянный город над рекою, а в реке видимы рыбы...». А опосля века восемнадцатого хиреть стал град Свяжский и превратился вскорости в рядовой уездный городишко с несколькими тысячами жителей, всяк друг друга знавших. Пошто так получилось? А вот ты, мил человек, полегче что-нибудь спроси...

Все это, или почти все, уже знал Африканыч, когда вышагивал по замощенной деревом Рождественской улочке Свяжска, держа путь к дому Игнатия Савича Зыбина, летописца местного и краеведа. Было Игнатию Савичу, по слухам, сто четыре года, и тому подтверждением была метрическая запись в четырехпрестольном Рождественском соборе. Но был Зыбин еще в ясном уме и твердой памяти, а иначе Самсон Африканыч Неофитов не пошел бы к нему на беседу, а топал бы доколе к кому иному знающему человеку. Однако более сведущего, нежели Игнатий Савич Зыбин, во всем городе не было, да и быть не могло!

Проживал местный летописец-краевед в собственном деревянном доме о двух этажах, каковыми, в большей мере, и был застроен град Свяжский. Встретил поначалу Африканыча сурово: кто-де таков, пошто приперся и что, мол, тебе надобно. После подобрел к гостю, особенно после того как узнал, что Самсон Африканыч – не просто гость, а «действительный член

Казанского Общества археологии, истории и этнографии, существующего при Императорском Казанском университете, и короткий приятель профессора Шпилевского, приехавший в Свияжск по научной надобности»...

– Да вы проходите, проходите, – засуетился вдруг старик. – И как он, Сергей Михайлович?

– Сергей Михайлович-то? – только сейчас и сообразив, что это его «короткого приятеля» Шпилевского зовут Сергеем Михайловичем, переспросил Африканыч. – Да все ладно у него, у Сергея Михайловича... Вот, работу новую кропает... Историческую.

– А какова тематика? – поинтересовался Игнатий Савич.

– Так он это, в секрете покудова тему держит, – улыбнулся Неофитов. – Сказывает, никто еще про такое не писал.

– Ну и хорошо, – довольно произнес Зыбин. – А как супруга его превосходительства?

– Супруга его превосходительства? – снова переспросил Самсон Африканыч, соображая, кто же это «его превосходительство». Догадавшись, что речь идет про того же Шпилевского (профессора тоже могут иметь статский генеральский чин), ответил: – Да тоже все ладно.

– Вот, и слава богу, – констатировал Зыбин. – Может, чаю с дороги? Не желаете?

– Не откажусь, – улыбнулся Неофитов, довольный, что старик поменял тему разговора.

За чаем Африканыч повел разговор о Феоктистове. Начал издалека. Пораспросил об известных людях Свияжска и вообще России, так или иначе связанных с этим славным городом и с его историей. А впоследствии битый час с четвертью выслушивал исторические изыскания Игнатия Савича, которым, казалось, не будет конца. А старик Зыбин, заполучив слушателя, говорил и говорил...

– ...А воеводами первыми в Свияжске назначены были, сударь вы мой, боярин князь Петр Иванович Шуйский, Борис Иванович Салтыков, князь Григорий Петрович Звенигородский, Семен Константинович Заболоцкий и князь Дмитрий Михайлович Жижемской. Первые трое были воеводами «на вылазку», то есть осуществляли военную защиту города, а последние два «ведали» город. Пять воевод на один город было многовато; обычно российские города имели двух-трех воевод. Но городу Свияжску придавалось особое значение, потому и управлялся он большим количеством правителей, чем обычно. Да-а... – Старик посмотрел на Африканыча, мгновенно изобразившего на своем лице нешуточный интерес, и продолжил: – Главными воеводами в Свияжске вплоть до конца первой трети семнадцатого века были представители самых древних и знатных родов. Потомки великих князей суздальских Шуйские; князья Воротынские, что из удельных князей черниговских; из великих ростовских князей князья Серебряные-Оболенские, Бехтеяровы, Приемковы и Буйносовы; Шеины и Салтыковы – ближайшая родня влиятельнейшего боярского рода Морозовых, предки каковых служили еще Александру Невскому. Объяснялось это просто: Свияжску, равно как и Казани, придавалось особое, – старик поднял кверху указательный палец, – стратегическое значение...

– А люди? – воспользовавшись паузой, вставил слово-другое Африканыч. – Расскажите о людях, коими был славен и горд ваш город. А может, и посейчас гордится...

– Люди? – старик задумался. – В нашем городе много славных людей проживало. К примеру, сударь вы мой, наш уездный судья Чаадаев, царствие ему небесное, – перекрестился старик, – являлся дядей другу Александра Пушкина, сумасшедшему философу Петру Яковлевичу Чаадаеву.

– Да вы что? – притворно удивился Африканыч.

– Именно так, – улыбнулся старик, довольный, что произвел впечатление на гостя. – А Василий Матвеевич Голенищев-Кутузов, старший брат генерал-поручика и сенатора Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова и дядя светлейшего князя генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, жил в соседнем доме. И в одна тысяча восемьсот семнадцатом году, сударь вы мой, вместе с моим батюшкой, да еще князем Андреем Турунтаем и куп-

цом Федором Каменевым на собственные средства перестраивали и реконструировали Рождественский соборный храм, что стоит ныне на одноименной площади, центральной и самой большой в Свяжске...

– Да неужели? – снова удивился Самсон Африканыч Неофитов, сделав глоток чая.

И Зыбин снова гордо произнес:

– Именно так, сударь вы мой. Наши именитые люди во многих постройках и реконструкциях соборов и церквей принимали участие.

– Например? – быстро спросил Африканыч.

– Например, иконостас, что в Троицкой церкви. Надо вам сказать, весьма замечательный по красоте и богатству. Куплен и сработан он, сударь вы мой, на средства свияжских дворян: кавалерственной дамы Надежды Андреевны Саврасовой, помещицы весьма богатой, орденосной и в обеих столицах некогда известной, и Никифора Игнатъевича Феоктистова, тогда городничего нашего, царствие им обоим небесное, – тоже быстро ответил летописец-краевед.

– Как вы сказали, Никифора Игнатъевича Феоктистова? – мягко и весьма осторожно переспросил старика Африканыч.

– Все верно, сударь вы мой: Никифора Игнатъевича Феоктистова, бывшего нашего последнего городничего, потому как в одна тысяча восемьсот шестьдесят втором году таковую должность уже отменили, – кивнул Зыбин. – А к чему вы это спросили?

– К тому, что я немного знаком с Ильей Никифоровичем Феоктистовым, – несмело произнес Африканыч.

– А-а, с этим! – как-то пренебрежительно произнес летописец-краевед, отведя взгляд в сторону. – Так это сынок ихний будет, Никифора-то Игнатъича...

– Да вы что! – воскликнул Африканыч.

– Точно так, – подтвердил старик.

– Правда, достойнейший человек, этот Илья Никифорович? – спросил Африканыч и посмотрел на Зыбина так же внимательно, как смотрят дети на взрослых, когда им от них что-то надобно.

– Нет, не правда, сударь вы мой, – почти с гневом ответил летописец-краевед. – Вы, как изволили выразиться, немного с ним знакомы, а мы, свияжские обыватели, – с избытком! – провел он большим пальцем по шее. – Знаем его как облупленного! На наших глазах, стервец, вырос. На наших глазах и жилою стал несусветной!

– Жилою – это как?

– А так, – рубанул рукою воздух старик. – Жила – и все тут! Скупердяй, каких еще свет не видывал.

– Ну, возможно, вы и правы, – осторожно заметил Самсон Африканыч. – Илья Никифорович, конечно, отличается некоторой скаредностью, но все в городе его чтят и уважают...

– Некоторой?! – старик не дал даже договорить своему гостю и собеседнику. – Не-ет, не некоторой, как вы изволили выразиться, скаредностью, но самой что ни на есть огромною и неизбывной!

– Да что вы! – уже по привычке спросил Африканыч.

– Именно так-с, сударь вы мой! – заверил гостя летописец-краевед. – На похороны родного батюшки, царствие ему небесное, денег пожалел! А ведь уже тогда миллионщиком был!

– Ах ты! – вскинул руками Африканыч, негодуя. – Ну, коли, конечно, так, то, стало быть, возразить нечем...

– Так оно и есть! – распаялся старик дальше. – А как он сделал себе эти миллионы, вы знаете?

– Не имею понятия, – ответил Африканыч.

– Да уж, доложу я вам, сударь вы мой, не трудами праведными миллионы у него случились, а единственно лукавством и мошенничеством, – проговорил, возмущенно шевеля седыми

кустистыми бровям, летописец-краевед. – Это он ныне знатный промышленник и коммерсант, а ранее, покуда в уезде нашем проживал, так पहले его махинатора и плута и не было николи...

– А вы знаете, какими махинациями и плутовством он свои первые миллионы заработал? – посмотрел прямо в глаза старику Африканыч.

– Знаю! – твердо заявил Зыбин.

– Что, и расскажете? – задорно спросил Африканыч.

– А и расскажу, – ответил старик и принялся рассказывать.

Африканыч слушал, не перебивая...

* * *

Родовое имение Феоктистовка в Клянчинской волости уезда Свияжского было небольшим, всего одиннадцать домов да двадцать восемь ревизских душ. Первым насельником починка Феоктистовка был подьячий Феоктист Погорелец, коего указом царя Иоанна Грозного выселили из мятежного Новгорода вместе с иными в земли Казанского царства.

Было у Феоктиста восемь сынов. Старшим был Сысой, от которого пошла фамилия Сысовых, столь известная ныне в Чебоксарском уезде и в Москве, в частности на Маросейке, где у Сафрона Виссарионовича Сысоева имелся собственный дом в три этажа с портиком коринфского ордена. Вторым сыном был Ширяйка прозвищем Широкул, от какового пошли дворяне Ширяевы и Широкуловы, записанные в Дворянскую книгу Казанской губернии числом сорок четыре. Государевы службы они служили дворянские, но по преимуществу мелкие, и выше провинциальных секретарей да армейских прапорщиков не поднимались. Третий сын прозывался Абросимом, и от него столь же многочисленны пошли Абросимовы, один из которых, Горох Андреевич, дослужился аж до чина секунд-майорского и был застрелен на дуэльном поединке из-за какой-то певички-инженю неким полковником Макуловым, тоже, кстати, выходцем из Свияжского уезду. Четвертого сына Феоктист назвал Селиваном, и от него-то и пошли Феоктистовы-Селивановы, потерявшие через три четверти века вторую фамилию и оставшиеся единственно Феоктистовыми. Они и унаследовали родовое имение Феоктистовка после кончины старшего сына Феоктиста, Сысоя. Пятого сына обозвали просто – Пятой. От него пошел военный род Пярых, кои сделались потомственными офицерами и заполучили многие военные чины и звания, а Истома Иванович Пятой дослужился при Екатерине Первой до чина генерал-поручика и по выходу в отставку поселился в своем имении в Малороссии, где и по сей день его отпрыски проживают в счастии и большом довольствии. Шестого сына Феоктист прозвал Истомой. От него пошли дворяне Истомины, служившие многим государям российским в чинах статских и военных, а Павел Иванович Истомин, известный дипломат и политик, имел чин действительного тайного советника и был вхож в покои государя Петра Федоровича без всякого доклада. Седьмого сына звали Фрол. Он зачал род Фроловых, как-вые, по большей части, служили дворянские службы в городах губернских в чинах судейских да прокурорских, однако выше чина статского советника да жалования орденом святого Станислава никак не поднимались. Да имелся еще восьмой сын, самый меньшой, Ивашка Меньшик, от коего пошли Меньшиковы, выродившиеся из дворян в сословие мещанское и занимающиеся мелкой торговлей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.